ФИЛОСОФИЯ
ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ
1989/10

И. И. Семененко

МИЛОСЕРДИЕ В КОНФУЦИАНСКОМ УЧЕНИИ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

曰文王既沒文不在茲乎
此記言文王
見在此此
斯文也
孔安國曰文王
謂後死也言天將
當使我知之今

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

10/1989

Издается ежемесячно с 1960 г.

И. И. Семененко,
кандидат филологических наук

МИЛОСЕРДИЕ В КОНФУЦИАНСКОМ УЧЕНИИ

(Из цикла «Зарубежная философия в прошлом и настоящем»)

Издательство «Знание» Москва 1989

ББК 87.3
С 30

Автор: СЕМЕНЕНКО Иван Иванович, доцент Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Редактор: *КРАВЦОВА Л. К.*

Семененко И. И.

С 30 Милосердие в конфуцианском учении (Из цикла: «Зарубежная философия в прошлом и настоящем»). — М.: Знание, 1989. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия»; № 10).

ISBN 5-07-000914-1
15 к.

Учение Конфуция (551—479 гг. до н. э.), в основе которого представление о человеке как о «середине», центре вселенной, оказало огромное влияние на развитие культуры в странах Дальнего Востока и всего мира. В работе анализируется понятие любви к человеку — «милосердие» — в контексте ряда других категорий философии китайского мудреца.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

0301030000 ББК 87.3

ISBN 5-07-00014-1

ВВЕДЕНИЕ

Конфуций, конфуцианское учение... Эти слова воспринимаются как важнейшие символы традиционной китайской культуры. Попытаться понять их — значит сделать шаг к более глубокому постижению одной из самых древних цивилизаций мира.

Учение Конфуция вряд ли можно с полной однозначностью определить в терминах западной культуры. Его называли первым по времени китайским философом, но если он и философ, то весьма своеобразный, не похожий на многие известные нам фигуры западных мыслителей. В Конфуции видели и религиозного учителя, хотя его религиозность по форме разительно отличается, скажем, от набожности христианина. Тем более трудно применять для характеристики его учения такие термины, как «материализм» или «идеализм». Но оно в большей степени религия и ближе к идеализму, чем к материалистической философии.

Учение Конфуция — это своеобразный тип восточной мудрости. Оно соединяет в причудливом синтезе то, что в западной традиции обычно разграничено и обособлено.

Историческая достоверность личности Конфуция не подлежит сомнению. Китайцы видели в нем не бога, а человека, но относящегося к разряду «шэнов» — людей особой, сверхчеловеческой мудрости, достойных священного сана императора — «Сына Неба».

Конфуций исходил из представления о наличии в природном мире божественной нравственной силы, которая выражалась в понятиях Неба и древности. Исходным пунктом учения Конфуция стало также признание отсутствия этой нравственной силы в обществе того времени. По его взглядам, вернуть людей к ней способен только «шэн» — святой мудрец. Святость определялась мерой приобщения к указанной нравственной силе. Сама же эта нравственная сила, как проповедовал Конфуций, прирождена из всех живых существ только человеку, составляет суть человеческой природы. Отсюда возникало представление о человеке как о «середине», центре мироздания. Но каждый наделялся ею в разной степени. Учение Конфуция есть поиск и выявление

человеком в себе и других этой нравственной силы с целью стать «шэном». У Конфуция было также понятие «благородный муж». «Шэн» — это тоже «благородный муж», но самый достойный. Приобщенность к древней священной мудрости делала человека «благородным мужем». От «мужей» требовались милосердие, искренность, беззаветность, справедливость, сыновняя почтительность, приверженность ритуалу и т. д. Ритуальная сторона с ее идеями культа и самопожертвования была важной частью учения Конфуция. В социальном плане оно отличалось сложностью и многозначностью, но в конечном счете служило интересам господствующих слоев китайского общества.

Главной заслугой Конфуция являлось выдвижение им на первый план человека как такового, вне социальной и политической иерархии. Его ценность он искал прежде всего в нравственной сфере, в которой центральной категорией стала «любовь к человеку», «милосердие». Конфуций провозглашал идеал социальной гармонии, который не потерял определенную привлекательность и для современных людей. Уважение к знанию прошлого — тоже сильная сторона учения Конфуция.

Сфера его влияния не ограничивалась Китаем. В эпоху средневековья Япония, Корея и Вьетнам подвергались глубокому и интенсивному воздействию конфуцианского учения. Имя Конфуция участвовало в идейных баталиях европейского Просвещения и с той поры стало органическим достоянием западной культуры. Страстным почитателем Конфуция был Вольтер, который спорил с Руссо, отрицавшим значимость конфуцианского учения. Высоко ценил изречения китайского мудреца Л. Н. Толстой.

В небольшой брошюре невозможно разрешить все проблемы, связанные с исследованием такого сложного явления, как учение Конфуция. Мы ограничимся анализом понятия «милосердие», рассматривая по мере необходимости и некоторые другие конфуцианские категории.

ПУТЬ БЛАГОРОДНОГО МУЖА

22 сентября 1984 г. в уезде Цюйфу провинции Шаньдун праздновался юбилей известного в Китае и во всем мире человека. Для участия в торжествах прибыло

много зарубежных гостей. Их встречали с цветами, распевая песни и танцуя, сотни китайских школьников. Затем в присутствии родственников юбиляра состоялось открытие памятника этому человеку. Гости совершили осмотр усадьбы-музея, комнат, где он жил, принадлежавших ему вещей, приусадебную рощу с находящимися в ней могилами. На проведенном тогда же симпозиуме обсуждался вклад этого деятеля в развитие китайской культуры.

Читатель, не знакомый с реалиями современного Китая, скорее всего подумает, что речь идет о нашем современнике, и ошибется. Я кратко пересказал здесь отчет о праздновании в КНР 2535-й годовщины со дня рождения знаменитого древнекитайского мудреца Конфуция (551—479 гг. до н. э.) [1].

«Благородный муж страшится, что умрет он
И не будет его имя прославляться», —

говорил Конфуций [2]. Но он «страшился» напрасно: его имя затмило в китайской истории почти всех.

Правда, при его жизни им пренебрегали. Поистине никакой пророк не принимается в своем отечестве. Но тем сильнее зазвучали славословия в его честь, когда созданное им учение, названное конфуцианским, стало официальной идеологией китайской империи на две с лишним тысячи лет. В заздравном хоре тонули одинокие голоса протеста против наведения канонического глянца на образ древнего мудреца. Участь его учения напоминает исторические судьбы известных мировых религий. Другую крайность продемонстрировала «культурная революция» в Китае (1966—1976 гг.), когда учение Конфуция подвергалось разнузданной нигилистической критике, а его самого называли «старикашкой», «реакционером». Но тогда в стране безответственно отрицали не только свое культурное наследие, но и мировую культуру. Сейчас в Китае наступила пора для объективной исторической оценки прошлого.

Чем же объясняется неослабевающий и сегодня интерес к конфуцианскому учению? Причин может быть названо много. Одна из главных связана с характерным для конфуцианства пониманием человека как «середины», центра вселенной. Это выдвинуло в учении Конфуция на первый план проблемы нравственности, которые в наш технократический век приобретали столь важное значение. Другая, связанная с первой, причина вызвана удивительной способностью кон-

фуцианской культуры к обновлению за счет возвращения к собственным корням. Знакомство с историей ее развития еще раз подтверждает, что проводить современные реформы, улучшать жизнь людей можно только на основе творческого развития лучших традиций прошлого.

Одной из актуальных задач китаеведения является дальнейшее углубление изучения конфуцианства. Хотя литература, посвященная ему в мире, огромна, все еще имеется много неясностей и спорных вопросов, причем по самым существенным, принципиально важным аспектам этого учения. Главная задача — преодоление устойчивых, веками складывавшихся стереотипов в его познании. Необходимо больше дискуссий, новых подходов и решений проблем.

Самым же насущным представляется раскрытие исходных, наиболее фундаментальных идей конфуцианского учения. Они во взглядах его основателя. Особенность исторического развития учения Конфуция такова, что оно является своего рода выводом, итогом, а все последующее конфуцианство — комментарием к нему. Обновление конфуцианских идей, конечно, происходило, и порой достаточно интенсивное, но родовой корень, сохранение которого делало конфуцианство конфуцианством, оставался неизменным. Воссоздание взглядов Конфуция в их целостности — ключ к конфуцианскому учению. Для этой цели важно знать и жизненный путь первоучителя, перипетии его судьбы.

Время жизни Конфуция — эпоха заметных перемен в китайском обществе, связанных с разложением родовых отношений и упадком власти наследственной аристократии. Это было смутное время войн, кровавых заговоров и общественных потрясений. Они оставляли лишь слабое воспоминание о некогда едином государстве, управляемом чжоуским царем — «Сыном Неба» [3]. Его оттеснили на задний план бывшие подчиненные — князья, которые приобретали все большую самостоятельность и вели между собой изнурительную борьбу за власть в «Поднебесной». Не было мира и внутри каждого из княжеств. Ко времени жизни Конфуция сами князья попали под власть подчиненных им вельмож и сановников, представлявших родовую знать, которая позднее стала жертвой интриг со стороны разного рода «слуг»— выходцев из простонародья.

С ростом имущественного расслоения наметился упадок

патриархальной общины, усилилась роль народа в политической жизни того времени. Идеологическую атмосферу эпохи отличали ослабление престижа родовых авторитетов, элементы скепсиса по отношению к старинным верованиям и обычаям.

О жизни Конфуция в литературе Древнего Китая рассказывается довольно подробно. Немало в этих рассказах легендарного и вымышленного. Лучше всех показал Конфуция как человека основатель китайской историографии, великий классик исторической прозы в Китае Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.). В своем труде «Исторические записки» он посвятил целую главу описанию жизни Конфуция, его предков и потомков. Интереснее всего, видимо, будет предложить читателю подборку избранных отрывков из этой главы, сопровождая их краткими вводными словами. Большинство переводов приводятся на русском языке впервые [4].

Сыма Цянь рассказывает об обстоятельствах рождения Конфуция. Его отцом был выходец из знатного, но пришедшего в упадок рода, некий Шулян Хэ: «У Хэ от девушки из рода Янь, с которой он сошелся в поле, Конфуций и родился. Она молилась на холме Ницю и обрела Конфуция. Князь Лу Возвышенный был на престоле двадцать второй год, когда на свет Конфуций появился [5]. На темени его с рождения имелась впадина, поэтому ему и дали имя Цю Холма. Чжунни — его второе имя, Кун — фамилия [6].

Когда родился он, его отец скончался и погребен был на горе Фаншань. Фаншань находится в восточной части Лу, и Конфуций сомневался в местонахождении могилы своего отца, ибо мать его об этом умолчала. Конфуций в детстве, забавляясь, часто расставлял, согласно ритуальному уставу, жертвенные чаши и сосуды. После смерти матери из осторожности поставил гроб с ней временно на Перепутье у Пяти Отцов. И лишь когда мать Ваньфу, уроженца Цзоу [7], поведала ему о том, где расположена отцовская могила, пошел и там захоронил ее с ним вместе на горе Фаншань...

Конфуций был незнатен, беден. Когда он стал постарше, то был назначен регистратором в дом Цзи [8] — считал, вымеривал, равнял; служил приказчиком и занимался разведением скота. Поэтому и был назначен управителем общественных работ. Отвергнутый, ушел из Лу, его прогнали в Ци, преследовали в Сун и Вэй, дошел до крайности меж Чэнь

в Цай[9] и после возвратился в Лу. Конфуций был девяти чи и шести цуней ростом[10], его все звали «великаном» и этому дивились. Он в Лу вернулся потому, что здесь его вновь встретили радушно».

Постепенно растет известность Конфуция, у него становится все больше учеников, и он назначается в княжестве Лу на высокие посты. Но в этом усматривает для себя опасность соседнее с Лу княжество Ци: «И тогда отправили посланца в Лу сказать о том, чтоб встретиться в Цзягу на дружеском свидании. Князь Лу хотел уже отправиться на колеснице, но Конфуций, замещавший временно распорядителя обряда, сказал:

— Я слышал, что, кто занят мирными делами, непременно озабочен и готовностью к войне; тот же, кто ведет войну, непременно озабочен подготовкой к миру. В древности князья, выезжая из своих владений, обязательно включали в свою свиту все чины. Прошу взять старшего и младшего военачальников.

Князь ответил:

— Да будет так.

Старшего и младшего военачальников включили в свиту.

Для встречи с князем Ци в Цзягу соорудили жертвенник и глиняную лестницу с тремя ступенями. Правители сошлись по ритуалу встречи, взошли по лестнице, друг другу кланяясь и уступая. Когда обряд весь угощения закончился, распорядитель Ци поспешно подошел и попросил:

— Позвольте выступить музыкантам с Запада.

Князь ответил:

— Позволяю.

И тут поднялся крик, загрохотали барабаны, замельтешили копья, алебарды и мечи, штандарты, стяги, бунчики и перья. Конфуций торопливо выступил вперед, стал подниматься по ступеням, остановился перед верхней и, воздевая рукава, сказал:

— У наших государей дружеская встреча, зачем же исполнять здесь варварскую музыку?! Прошу дать указание распорядителю!

Распорядитель попытался оттеснить Конфуция, но он не уходил; тогда вся свита посмотрела на советника и князя. Князь Ци почувствовал смущение в душе и мановением руки удалил артистов. Немного времени спустя распоряди-

тель Ци поспешно подошел и попросил:

— Позвольте выступить придворным музыкантам.

Князь Ци ответил:

— Позволяю.

Кривляясь, выбежали к ним шуты и карлики, Конфуций торопливо выступил вперед, стал подниматься по ступеням, остановился перед верхней и сказал:

— Когда простолюдины потешаются над князем, за это преступление они заслуживают казни! Прошу дать указание распорядителю.

Распорядитель предал шутов казни, их руки, ноги разбросали. Князь Ци в испуге двинулся, он знал неважно должное; когда вернулся, находился в сильном страхе и сказал своим чинам:

— В Лу помогают своему правителю, используя путь благородных, Вы же наставляете меня, используя путь варваров, и в результате оказались виноваты перед государем Лу. Как же поступить?

Распорядитель выступил вперед и ему ответил:

— Коль делает ошибку благородный муж, он извиняется по существу; коль делает ошибку малый человек, то извиняется лишь внешне. Раз Вы об этом сожалеете, то принесите извинения по существу.

Тогда, чтоб искупить свою ошибку, князь Ци вернул захваченные им у Лу поля...»

Когда Конфуцию было за пятьдесят, он достигает зенита своей политической карьеры, которая затем неожиданно обрывается: «Как судебный управитель он временно стал замещать первого советника, лицо его при этом выражало радость. Привратник у него спросил:

— Я слышал, благородные мужи в несчастье не страшатся, а в счастье не испытывают радости.

Конфуций ответил:

— Так говорят. Но не говорят ли: «Радуюсь, что низшие в почете»?

Затем казнил сановника из Лу Шаочжэн Мао, ввергавшего правление в смуту. Три месяца внимал с другими делам правления, и продавцы барашков, поросят не набивали цен; мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы; не брали ничего, что обронили другие на дороге; гостей, пришедших отовсюду в стольный град, без всякого

их обращения к распорядителю, одаривали как вернувшихся домой.

Узнав об этом, писцы испугались и сказали:

— Конфуций правит так, что Лу неотвратимо станет гегемоном, а если станет гегемоном, то наши земли от него всех ближе и Лу нас первыми захватит. Но почему бы их тогда ему не подарить?!

Сановник же Ли Чу сказал:

— Сперва позвольте попытаться им помешать. А не сумеем помешать, то неужели опоздаем отдать земли?!

И вот по всему Ци набрали восемьдесят юных чаровниц, одели их в узорчатые платья и обучили танцу «Наслаждение»; на тридцати упряжках по четыре пегих лошади отправили в подарок государю Лу. Танцовщиц и пегих лошадей построили за Высокими воротами южнее городских стен Лу. Вельможа Цзи два или три раза ходил туда переодетым посмотреть на них и, пожелав впустить, уговорил правителя прогуляться по большой дороге: они пошли и целый день смотрели, забросили дела правления. Цзылу сказал:

— Учитель может удалиться.

Конфуций же ему ответил:

— Вот если бы в предместье Лу преподнесли сановникам жертвенного мяса, то я бы еще мог остаться.

Цзи все-таки принял танцовщиц. Три дня не слушались дела правления и сановникам в предместье не пожаловали жертвенного мяса. Конфуций сразу же ушел. Когда остановился в Чуне на ночлег, Ши Цзи, который провожал его, сказал:

— Ведь Вы не виноваты.

Конфуций попросил:

— Можно я спою?

И спел:

«Те женщины своими языками
Способны изгонять из дому;
А посещение тех женщин
Способно извести, убить;
Поэтому так весело на воле
Гуляю до скончания жизни».

Когда Ши Цзи вернулся, то Цзи его спросил:

— Что говорил Конфуций?

Ши Цзи ему все рассказал. Цзи тяжело вздохнул:

— Учитель порицал меня за танцовщиц».

Итак, возмущенный безнравственностью правителей княжества Лу, Конфуций их покидает. Начались годы его странствий. С группой учеников он отправился по княжествам в поисках достойного правителя. На пути их подстерегали трудности и лишения. Однажды Конфуций и его ученики, достигнув княжества Чжэн, друг друга потеряли: «Конфуций одиноко стоял в предместье у ворот Восточных. Какой-то чжэнец сказал Цзыгуну:

— Есть у ворот Восточных человек, своим челом напоминает Яо, своею шеей — Гао Яо, плечами схож с Цзычанем, но от пояса до низа не достает ему трех цуней, чтоб сравняться с Юем [11], стоит понурый, как бездомный пес.

Цзыгун потом все передал Конфуцию. Конфуций этому обрадовался, засмеялся и сказал:

— Внешний облик значит мало, но как верно, как верно он сказал, что я схож с бездомным псом!»

В другой раз Конфуций отправился на службу к одному из правителей, но неожиданно ему сообщили о том, что тот казнил двух своих помощников: «Когда достиг Реки, узнал о смерти Доу Минду и Шунь Хуа и у Реки, вздохнув, сказал:

— Прекрасны эти воды! Как широки они! Я их не перейду, уж такова судьба!

Цзыгун приблизился поспешно и сказал:

— Позвольте Вас спросить, что это значит?

Конфуций ответил:

— Доу Минду и Шунь Хуа — достойные сановники из Цзинь. Когда правитель не достиг еще, чего хотел, то ждал их, чтоб затем принять участие в правлении: когда же он достиг, чего хотел, то их убил, приняв участие в правлении. Я слышал, что когда вытравливают плод и губят юных, Цилинь-единорог не появляется в предместье; коль осушают водоем для сбора рыбы, то водяной дракон не сочетает холода и жара; когда выбрасывают гнезда и бьют яйца, то фениксы не прилетают [12]. А почему? Благородный муж страшится навредить себе подобным. Ведь даже птицы, звери помышляют избежать того, что делать не пристало, тем паче я!

И тогда Конфуций возвратился отдохнуть в селение

Цзоу и там создал в честь скорбной памяти погибших Доу Минду и Шунь Хуа «Мелодию для лютни Цзоу».

Один из драматических эпизодов связан с пребыванием Конфуция и его учеников на границе между княжествами Чэнь и Цай: «Услышав, что Конфуций находится меж Чэнь и Цай, князь Чу послал гонца пригласить Конфуция. Конфуций уж собрался пойти и поблагодарить за приглашение. Но тут сановники из Чэнь и Цай стали совещаться:

— Конфуций — мудрый человек, его укоры и насмешки разят князей в их язвы. И вот теперь надолго задержался между Чэнь и Цай, ему не по душе все наши действия. Чу — княжество большое, послало приглашение Конфуцию. Коль в Чу используют Конфуция, то все сановники на службе в Чэнь и Цай окажутся в опасности.

И вслед за этим сообща послали стражу, чтоб окружить Конфуция в открытом месте. Уйти не смог, запас зерна иссяк, ученики все расхворались, не могли подняться. Конфуций же по-прежнему без устали учил, читал, играл на лютне, пел. Цзылу был недоволен, встретился с ним и спросил:

— И благородный муж живет в нужде!

— Благородный муж в нужде не отступает, малый человек, терпя нужду, становится распущенным, — отвечал Конфуций.

Конфуция вызволил из осады один из могущественных князей того времени. Но и у него из-за интриг придворных мудрец не нашел применения своему учению. Странствия Конфуция продолжались более тринадцати лет. Вернувшись к концу жизни в княжество Лу, Конфуций уже не стремился к службе и занялся всецело своим учением — «гнался по пятам» древних обрядов, песен и преданий, составил, по утверждению Сыма Цяня, летопись. Далее приводится рассказ о последних днях жизни первоучителя: «Конфуций расхворался, а Цзыгун попросил его принять. Конфуций в тот момент стоял непринужденно у ворот, опершись на палку, и сказал:

— Цы, почему пришел так поздно?

Конфуций вслед за тем вздохнул и спел:

— Гора Тайшань [13] обрушилась!
Столбы и балки рухнули!
Мудрец совсем зачах!

Затем заплакал и сказл Цзыгуну:

— Под Небесами нет пути уже давно, никто не в силах следовать за мною. При Ся гроб со своим умершим оставляли на восточной лестнице, при Чжоу же — на западной, а иньцы[14] — между двух столбов. Прошедшей ночью мне приснилось, будто я уселся между двух столбов, ведь я происхожу из иньцев.

И через семь дней он скончался.

Конфуцию было семьдесят три года, он умер на шестнадцатом году правления князя Лу Скорбящего, в шестой луне, в день Цзичоу»[15].

Последние строки биографии подводят итог жизненному пути Конфуция: «Конфуция похоронили над рекою Сы, к северу от городских стен Лу. Все его ученики три года соблюдали траур. Когда трехлетний траур по учителю закончился и они, прощаясь, стали расходиться, то расплакались, снова были в безутешном горе, а некоторые опять остались. Но лишь Цзыгун жил на могиле в хижине шесть лет. А вдоль могильного холма расположилось больше сотни домов учеников Конфуция и уроженцев Лу, которые здесь поселились с семьями и были названы «Деревнею Конфуция». В Лу по преемству поколений в соответствии с сезонами совершались на могиле у Конфуция жертвоприношения, а ученые вблизи нее обучались ритуалам, устраивали волостные пиршества и большие состязания в стрельбе из лука. Могильный холм Конфуция размером в один цин[16]. По той причине, что ученики толпились у покоев, где он жил, а потомки сохраняли в храме у Конфуция его одежду, шапку, лютню, книги и повозку, все эти вещи не пропали вплоть до Ханей[17], в течение уж более чем двести лет. Когда же августейший повелитель Гао[18] проезжал по Лу, то принес в жертву на могиле у Конфуция быка. Князья, вельможи и сановники бывают там, сперва обычно посетят, а уж потом участвуют в правлении...»

Я, Придворный летописец (Сыма Цянь) так скажу:

— Есть в Песнях[19] строки:

К горам высоким рвемся мы,
Стремимся к светлому пути.

Хоть и не можем добрести, но увлекает нас порыв души. Я читал книги Конфуция и захотелось мне узнать, каким он был человеком. Поехал в Лу, увидел храм Конфуция, его

жилье, повозку, платье и предметы ритуала; ученые в положенное время обучались ритуалу в его доме; я задержался там в раздумье, не в силах был уйти. Царей, как и людей достойных, в Поднебесной было много, они при жизни процветали, а умерли — и канули. Конфуций же, простолюдин, уж более чем десять поколений на устах. Ученые его считают своим родоначальником. Все, кто в Срединном государстве, начиная с сына Неба и князей, толкуют о шести искусствах [20], обращаются за истиной к Учителю».

Сведения о жизни Конфуция, приводимые Сыма Цянем, издавна вызывали разную оценку. Один из спорных вопросов — казнь Конфуцием луского сановника «смутьяна» Шаочжен Мао. Усматривая здесь противоречие с призывами мудреца к добру и миру, некоторые современные исследователи вообще отметают это сообщение как недостоверное. Но присмотримся внимательнее к изречениям Конфуция. Однажды на вопрос правителя: «Что если казнить беспутных ради наставления на путь?» — он ответил:

— Ведь вы —правитель,
Зачем же вам казнить?
Когда стремитесь вы к добру,
То делается добрым и народ.
У благородных добродетель — ветер,
У малых же людей она — трава,
Склоняется трава вслед ветру.

Из контекста данного отрывка следует, что под «беспутными» в нем подразумевается народ. Конфуций не отказывается от казни вообще, но выступает против убийства простых людей, пусть и «беспутных», утративших «долг», но, с его точки зрения, невиновных. Казни заслуживает «беспутный» правитель, аристократ, сановник, развращающий народ. «Благородный муж» у Конфуция знает не только любовь, но и ненависть:

«Лишь милосердный человек
Умеет и любить людей,
И ненавидеть».

В этой связи важен и другой диалог Конфуция:

«Кто-то спросил:
— Что если за зло платить добром?
Учитель ответил:
— А чем же за добро платить?

Плати за зло по справедливости,
А за добро плати добром».

«По справедливости» не значит по принципу: «око за око». Допуская казнь, Конфуций не считает ее признаком совершенной добродетели. Это мера крайняя, вынужденная. (Такой, видимо, и была казнь Конфуцием Шаочжэн Мао.)

Эпизод с шутами имеет несколько иной смысл. Здесь Конфуций выступает как умелый политик в момент, чрезвычайно опасный для судьбы его родного княжества Лу, которому угрожало более сильное княжество Ци. Предложенная цисцами «программа» встречи была унизительна для луского князя и подчеркивала его зависимость от князя Ци. Конфуцию удалось публично уличить цисцев в кощунственном пренебрежении древним ритуалом, хотя эта политическая победа привела к гибели шутов. Жестокая последовательность Конфуция в данном случае, как и в предыдущем, — крайняя, вынужденная мера. Она диктовалась конкретной политической ситуацией и свидетельствует, по моему мнению, о том, что не всякий человек был для Конфуция одинаково ценен.

МУДРОСТЬ КОНФУЦИЯ

Здесь необходимо прежде осмыслить сам тип мудрости, открытый в Древнем Китае Конфуцием. Конфуций не призывал любить бога, о котором имел весьма своеобразное представление. Не относил он себя и к любителям мудрости, т. е. к тем, кого на Западе называли философами. Это не значит, что наш китаец был вялым обывателем и доктринером. Им владела страстная любовь к старине, к учению у древних.

«Я обладаю знанием не от рождения,
Но, древность возлюбя, стремлюсь к ней всеми

И снова об этой любви:

«И в поселении из десяти домов
Непременно найдутся те,
Кто не уступит мне по прямодушию и искренности,
Но уступит по любви к учению».

Во всем этом много напускной скромности: не философ, не открыватель истины, а лишь прилежный ученик, пытаю-

щийся усвоить то, что давно открыто. Тут, правда, можно возразить: древность — тоже мудрость, истина, забытая современниками, и потому любовь к ней вполне тождественна «любомудрию», философии. Тем более что сам Конфуций подчеркивал необходимость размышления:

«Напрасно обучение без мысли...»

А от наставника в древней премудрости уже требовал познания «нового»:

«Кто постигает новое, лелея старое,
Тот может быть учителем».

И все-таки мысль — не главное в процессе учения: хотя ему без нее не обойтись, она в конечном счете только его служанка.

«Я днями целыми не ел
И ночи напролет не спал —
Все думал,
Но напрасно.
Полезнее — учиться».

Да и «новое», о котором говорил Конфуций, — это синоним свежего, молодого, первозданного, т. е. та же древность, но не в том виде, в каком она предстает перед потомками, а в своем изначальном состоянии. Разуму отводится несамостоятельная роль истолкователя древней традиции. Такая точка зрения скорее под стать теологу, чем философу. Но теолог ли Конфуций? Ведь он не делает предметом своего изучения Небо, которое выступало у древних китайцев в качестве божества. Тогда кто же он?

Многие видели в Конфуции главного идеолога консерватизма, приведшего дореволюционное китайское общество к стагнации и отставанию от стран Запада. Особенно доставалось ему за слова, которыми он предварил свое признание в «чистосердечной любви к древности»:

«Я продолжаю, не творю...»

Он не создает, не начинает, а лишь следует созданному, продолжает начатое. «Продолжение» — также пересказ, передача сказанного другими. Первоначальный смысл этого слова выражает суть отношений между отцом и сыном: «Отец начинает, а сын продолжает». Конфуций имеет в виду свою связь с древностью, мыслимую им по типу того, как сын наследует отцу. Это, конечно, духовное преемство, однако возникает интересный вопрос, который до сих пор поче-

му-то никто не обсуждал, — только ли метафорическим является соединение здесь духовности с принципом кровного родства?

В 1982 г. в Китае была опубликована книга «Семейные предания из храма Конфуция», написанная его ныне живущим потомком в семьдесят седьмом поколении. В ней приводится суждение, слышанное автором от «стариков», что дом прямых потомков Конфуция, хранивших учение своего предка в течение тысячелетий, знатнее императорского — «первый в Поднебесной». Этот факт обыденного сознания примечателен именно представлением о существовании неразрывной связи между «передаваемой» духовностью и родством. Учение, передаваемое в роду, придает качество знатности самому роду.

А вот факт уже исторического предания: Конфуций за успехи в овладении древней премудростью отдал в жены одному из учеников свою племянницу. Другое свидетельство — о том, что он был «далек» от родного сына и близок к ученику, «как к сыну», — расходится с предыдущим лишь на первый взгляд (поскольку сын Конфуция не был способен успешно передавать учение отца). Хотя свою школу Конфуций выводит за рамки рода и семьи, он в принципе и самым категорическим образом не мог бы принять миссию Христа: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человека — домашние его».

Но вот, пожалуй, ключ к сказанному о Конфуции, который так отозвался на грозившую ему смертельную опасность:

«Небом рождена во мне добросердечность.
А Хуань Туй? [1]
Как он со мною справится?!»

Добросердечность (желание делать добро, благожелательность) — это нравственное чувство, якобы полученное Конфуцием в качестве наследственного признака — свидетельства родства с Небом. Такое родство не просто метафора, указывающая (как считал Конфуций) на прирожденный характер нравственности; оно соединяется с представлением о физической неуязвимости того, кто к нему причастен. Но тогда перед нами человек, который чувствует свою кровную связь с небесным предком, т. е. ощущает себя сыном Неба

в буквальном, а не только метафорическом смысле! Источник этого представления в излюбленной нашим героем седой старине.

До того как наступили смутные времена и появился Конфуций, китайское общество отличалось строгой иерархической структурой. Главное божество Небо, Верховный предок, находилось с людьми в отношениях кровного родства. Китайцы в то время пели:

«Небо рождает людей мириады».

Но прямой контакт с Небом имел лишь верховный правитель — сын Неба, получавший от своего небесного отца наибольшую дозу того, что Конфуций называет добросердечностью. Это была божественная и нравственная сила, которая обеспечивала процветание и жизненное благополучие. Остальные люди наделялись ею по мере степени родства с сыном Неба. Могучим источником этой силы были и предки для своих потомков.

Конфуций признает благостное влияние древних. И это также не просто близость по духу, а и гарант физической неуязвимости:

«Когда Учителю угрожали в Куане, он сказал:
С тех пор как умер Просвещенный царь,[2]
Не у меня ли — просвещенность?
Когда бы Небо пожелало эту просвещеность погубить,
То к ней не смог бы приобщиться я,
Но Небеса ее не погубили.
Куанцы же?
Как им со мною справиться?!»

Легендарный царь — праведник Просвещенный жил за много веков до Конфуция, но он как бы не замечает бездны поколений, которые их разделяют, и говорит о нем как о своем ближайшем предшественнике, связь с которым опосредует только Небо.

Конфуций живет образами древних государей, наблюдая за танцевальными пантомимами, изображающими их жизнь; они посещают его во сне, в ночных видениях, а если не снятся, то он усматривает в этом признак своей нравственной деградации:

«Как опустился я!
Уже давно не снится мне правитель Чжоугун»[3].

Эта экзальтация сигнализирует о мистическом чувстве при-

родной близости древним царям. Они для Конфуция люди самые близкие, умершие совсем недавно, т. е. занимают место его отца. Это тем более объяснимо, что он был незаконнорожденным и долгое время даже не знал имени своего родителя.

Из таких и подобных им высказываний Конфуция складывается фундамент представлений, ставших одним из важнейших исторических стереотипов при замене на императорском престоле одного рода на другой. Претендент на звание сына Неба, пускай бы и достаточно скромного происхождения, должен был притязать не только на теснейшую близость к своему небесному отцу, получая от него тайные духовные импульсы, но и быть в родстве с другими сыновьями Неба, которыми являлись в первую очередь идеальные правители древности. Этот образ конфуцианского мессии, призванного по воле Неба и предков установить мир и спокойствие на Земле, уже проглядывает в основателе конфуцианства. Конечно, как в таких случаях нередко случалось не только в Китае, не обходилось и без подтасовки, когда нужная генеалогия отыскивалась тем быстрее, чем больше реальной власти сосредоточивал в своих руках претендент. И Конфуций, оказавший могучее воздействие на дальнейшие события в стране, предстал в историческом предании уже потомком царского рода.

Но политическая ситуация складывалась для Конфуция неблагоприятно. При всех своих мессианских ожиданиях государственной власти он так и не обрел. В этих условиях открыто провозглашать себя сыном Неба и потомком древних царей было бы наглым самозванством. Специфика конфуцианского мессианизма заключалась еще и в том, что свою миссию «небесный избранник» мог подтвердить главным образом путем ее признания со стороны народа и правителя, обязанного добровольно уступить власть.

Что же тогда оставалось делать Конфуцию? А что делал в Древнем Китае сын, когда умирали родители? Он соблюдал по ним траур. Своими ближайшими предками, умершими совсем недавно, Конфуций считал идеальных государей древности. Он и стал соблюдать по ним траур. Но предки эти духовные. Учение у них и стало для Конфуция видом духовного траура.

Процесс учения поразительно точно совпадает с трауром

по внешним признакам. Когда у древнего китайца умирали родители, он на три года оставлял службу, уединялся не только от общества, но и от домашних, жил у родительской могилы в шалаше, одевался в рубище, проявлял равнодушие к пище, отказывался от всех развлечений. Лишь отрешаясь от своей плоти, он мог всецело предаться скорби и спокойно, с радостным умилением «вглядеться» в пройденный родителями путь, чтобы извлечь для себя уроки. А так Конфуций характеризует своего лучшего ученика Янь Хуэя, который особенно сильно «любил учиться»:

«Какой достойный человек Хуэй!
Он пользуется для еды единственной плетушкой,
А для питья — единственною коркою от тыквы,
Живет в убогом переулке.
Другие не выдерживают этих горестей,
Хуэй не изменяет этим радостям.
Какой достойный человек Хуэй!»

Вся жизнь человека в трауре сводится, по сути, к попытке «догнать усопших», с ними «сравняться». Для этого аскеза — с ее помощью пытаются максимально сблизиться с умершими, встать на их место, а свое уступить им. Фактически именно таким вытеснением личности учащегося и характеризуется учение. Правда, начинается оно с рационалистической ступени. Но разум на ней играет несамостоятельную роль истолкователя древних, призванного выявить изначальный смысл их речей и поступков. Это образует «теологическую» сторону учения Конфуция. Она подготавливает ступень «высшего знания» — мистического экстаза, при котором происходит отождествление учащегося с воплощенным в древности абсолютом. Но абсолют не личное начало, он является божественной нравственной субстанцией, наглядно представленной в образе видимого Неба. Поэтому формально личность учащегося не вытесняется. Личность может быть вытеснена только личностью. Но происходит вытеснение духовности учащегося небесной духовностью, преображающей и его телесную сущность. И хотя он выступает от своего имени, имеет индивидуальную биографию и предстает человеком, в то же время это уже и сверхчеловек, зримое воплощение божественной духовности. «Любовь к древности» приводит к богочеловеку[4].

Но Конфуций не стал бы Конфуцием, если бы у него не было еще одной «любви». Без нее ни одно дело на земле недолговечно. А «посмертное имя» Конфуция не уступало известности Будды, Мухаммеда и Христа. И если «любовь к учению» была для него предметом личной гордости, то ту любовь, о которой идет речь, он искал всю жизнь, но так и не смел признаться, что ее обрел. Это, пожалуй, главная заповедь его учения. Он называл ее словом «жэнь», которое нередко переводится как «человеколюбие», «гуманность», хотя с этим переводом почти также часто и не соглашаются.

Отождествляя данное понятие с гуманностью, как правило, ссылаются на определение, данное ему самим Конфуцием, который на вопрос о том, что такое «жэнь», в одном случае отвечает: «любить людей». Связь «жэнь» с «любовью к людям» подчеркивается им и в другом изречении, когда он наставляет учеников:

«При всеохватной любви ко многим
Сближаются с жэнь».

Поэтому, чтобы понять данный термин, прежде всего следует уяснить значение «любви к людям» в учении Конфуция.

Эта любовь тесно связывается с благородным мужем и противопоставляется послушанию малых людей.

«Если благородный муж учится пути,
Он проникается любовью к людям;
Если малый человек учится пути,
Им становится легко повелевать».

Поскольку любовь к людям противостоит такому основополагающему качеству подданного, как умение подчиняться, то она предстает очень существенной чертой, характеризующей в первую очередь правителя. В соответствии с этим ею наделяется тот, кто «управляет государством в тысячу колесниц», т. е. уже непосредственно правитель, причем оказывается, что любовь к людям предполагает определенную экономию, бережливость — «сокращая расходы, любят людей».

Любовь к людям по сути ничем не отличается от «благодеяния», «милости» («хуэй»), ибо, во-первых, Конфуций

говорит о «благодеянии без расходов», которое проявляется, в частности, в «кормлении народа», а во-вторых, считает это качество тем, что является «достаточным для управления людьми». Иначе говоря, относит его тоже прежде всего к характеристике правителя. Таким образом, «жэнь» выступает здесь синонимом «хуэй» — «благодеяния», «милости», поэтому наиболее удачным представляется перевод «жэнь» как «милосердие», близкое по смыслу словам «благодеяние», «милость» в русском языке и означающее еще у Конфуция также сострадание.

Вместе с тем благодетельным становится у первоучителя тот, кто справедлив «в понуждении народа» — требование, равнозначное в конфуциевом учении «понуждению народа сезонами». Благодеяние оборачивается позволением жить жизнью, регламентируемой лишь сменой времен года, которая определяется «путем Неба». Делается ясным, почему оно предполагает отсутствие расходов со стороны правителя. Конфуций прямо определяет такую милость как то, когда «благодетельствуют народу, следуя тому, в чем его благо». Это любовь к людям, означающая предоставление народу права на свободную жизнь в соответствии с небесной природой каждого человека. Может ли такая «милосердная» любовь приближаться в какой-то своей части к человеколюбию и гуманности? Очевидно, что может, и это не будет противоречить идеалам гуманизма в мировой литературе.

У Конфуция встречается даже представление, близкое нормам самой простой и общепонятной человечности. Так, первоучитель высказывает однажды свою волю, которая заключается, в частности, в том, чтобы «старых покоить», а «о малых заботиться». С другой стороны, отыскивая милосердие в великом реформаторе Древнего Китая Гуань Чжуне (VII в. до н. э.), он отмечает его заслуги в «объединении и выпрямлении Поднебесной». «Народ до сих пор пользуется его милостями... — говорит Конфуций и далее утверждает: — Не будь Гуань Чжуна, мы бы ходили с распущенными волосами и застегивались налево». Таким образом, в понятие милосердия входит наведение порядка в мире людей и забота о слабых. Однако и тут решающим остается непротивление небесному «течению» жизни.

Путь к такому милосердию у Конфуция пролегал через

изучение древности. Любовь к людям тем сильнее, чем больше любви к древним предкам, к их изучению. Поэтому его самый прилежный ученик Янь Хуэй отличался и наибольшим милосердием:

«Хуэй мог по три месяца не разлучаться с милосердием,
Тогда как у других его хватает на день иль месяц».

Милосердие тождественно учению, т. е. состоянию, сходному с траурным, при котором человек ведет аскетический образ жизни, принося себя в жертву покойным родителям. Но поскольку милосердие, близкое трауру, было для Конфуция смыслом всей человеческой жизни, то сама жизнь виделась Конфуцию порывом к ее траурному преодолению, к самопожертвованию.

Как относился Конфуций к смерти? Многие считают, что к ней он был вполне равнодушен, обратив все свои помыслы к реальному земному существованию.

«Цзи Лу(Цзылу) спросил о служении духам.
Учитель ответил:
— Разве сумеешь служить духам,
Не научившись служить людям?!
— Осмелюсь узнать, что такое смерть?
— Разве постигнешь смерть,
Не узнав жизни?!»

Сравнение жизни милосердного человека с самопожертвованием в трауре подсказывает, в каком направлении следует понимать этот знаменитый диалог. Знание у Конфуция неразрывно связано с делом, практикой: познать... — значит изведать, испытать. «Не испытав жизни, испытаешь ли смерть?» — спрашивает он. Жизнь и есть постоянное умирание; ощущение жизни полностью совпадает с ощущением смерти. То же равенство у человека с духами, поскольку здесь имеются в виду духи умерших людей. Как жизнь равняется умиранию, смерти, так живой человек — умирающему, умершему; служение живому превращается в служение умершему, т. е. его духу. Но Конфуций в духов, в общем-то, не очень верит, поэтому упоминание о них намекает здесь на ту изначальную и более абстрактную божественную духовность, которая соединяет человека с Небом, древностью и... со смертью.

Но тогда такая смерть вовсе даже и не смерть, а жизнь, но вечная и неземная. Умирание означает окончание земно-

го существования и начало небесного. Жизнь как смерть, рождающая жизнь, — универсальный принцип мировой культуры, восходящей к ее самым архаическим пластам. Конфуций, пожалуй, мог бы близко к сердцу принять иносказание Христа: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».

А китайский поэт VIII в. Ван Вэй выражает эту мысль так:

«Дойдя до места, где кончается поток,
Присев, увидел, когда облако родится».

Здесь выражен даосско-буддийский идеал, в котором подчеркивается значение смерти как начала жизни. У древнекитайского философа Лаоцзы (VI в. до н. э.) сама жизнь понимается как переход от небытия к бытию — вечное рождение. Наиболее близко этому переходу состояние младенца, которое и признается достойным подражания. Мысль Конфуция направлена в противоположную сторону.

Учитель, стоя на берегу реки, сказал:

— Все уходящее подобно этому —
Не останавливается ни днем, ни ночью.

Течение реки — течение жизни, которая рассматривается как «уходящая» — умирающая. И вот парадокс: он говорит только об «уходе» — смерти. А где же жизнь, которая ею рождается? Но ведь жизнь «уходит» в прошлое, поэтому «уход» открывает путь к древним предкам, воплощающим высшую реальность. В этом суть конфуцианского пиэтета перед стариками, стоящими ближе других к древности. Однако далеко не каждый может ее достигнуть, когда «уходит». Достигает древности только тот, кто «уходит» так, что возвращается к началу, ибо древность и является началом человеческой жизни. Но тогда ему, чтобы обрести новую жизнь, надо отправляться против течения к истоку реки. Милосердие означает для Конфуция «побеждать себя», т. е. идти наперекор жизненному потоку, уносящему все дальше от истока — древности — к полному забвению.

В стихах Ван Вэя момент перехода от жизни к смерти изображен точкой, в которой пространство «где» совпадает с временем «когда», но это «когда» поэт видит как «где». Время имеет пространственную характеристику. Конфуций обращает внимание не на переход от смерти к жизни, а на превращение жизни в смерть. Это умирание тоже становит-

ся у него источником новой жизни, но уже как нравственной жизни рода человеческого, начатой в древности и возвышенной над природным существованием. И здесь время захватывает пространство, ибо жизнь предстает в качестве временного потока, который безостановочно уходит в одном направлении, прорывая циклическую повторяемость природы. Необратимость времени может быть преодолена в истории, а не в природе, и хотя это преодоление мыслится попрежнему в форме природного циклизма как возвращение к древности, уход к ней делается окончательным — своеобразный «конец света», опрокинутый в прошлое.

Но полного разрыва с природой в учении Конфуция не происходит. Христос представляет царство божье на земле как сверхприродную жизнь людей, ставших бессмертными. У Конфуция при возврате к древности человек остается смертным. Поражает именно стремление китайского мудреца ввести небесное начало в саму земную жизнь, не разрушая ее до конца. Тем, кто привык отделять бога от природы, естественное от сверхъестественного, представить это чрезвычайно трудно. По той же причине совершенно неожиданна для нас принадлежность милосердия в первую очередь личности земного правителя.

Но самым неожиданным после всего сказанного может показаться другой диалог:

«Янь Юань спросил о милосердии.

Учитель ответил:

— Быть милосердным
Значит — победить себя и возвратиться к ритуалу.
Если однажды победишь себя и возвратишься к ритуалу,
Все в Поднебесной снова станут милосердными.
Милосердие зависит или от нас,
Иль от других?

Янь Юань спросил:

— Позвольте узнать, в чем его суть?

Учитель ответил:

— Без ритуала взгляда не бросай,
Без ритуала ничему не внемли,
Без ритуала слова не скажи,
Без ритуала ничего не делай.

Янь Юань сказал:

— Я хоть и глуп,
Все же позвольте мне следовать этим словам».

Именно на основе подобных высказываний в Конфуции нередко видят сухого начетчика и педанта, шагу не делавшего без оглядки на традиционные нормы и правила этикета. Он представал в глазах многих первым защитником знаменитых «китайских церемоний», которые одно время на Западе воспринимались чуть ли не как главная экзотическая особенность характера китайцев.

Ритуалы были широко распространены в Древнем Китае до Конфуция. В стародавние времена они имели значение магического средства, укреплявшего родственные узы людей с Небом, предками и друг с другом. Но с наступлением эпохи «смуты» былая вера в небо стала катастрофически разрушаться. Десакрализация родственных связей, которые считались до этого основой социальных отношений, приводила к тому, что знать все реже вспоминала о «младших родственниках» — простолюдинах, а слуги забывали о родственной субординации по отношению к господам. Ощущение божественного единства сменялось эгоистическим выдвижением на первый план интересов только своего рода и личного благополучия. Происходил отрыв ритуала от его религиозного смысла. Из магического знака он превращался в символ почестей и материальных благ — яблоко раздора для нравственно неразборчивых лиц.

Почему же Конфуций цеплялся за этот полностью дискредитированный ритуал? Христос решительно предпочел древней обрядности молитву в душе. А Конфуций, когда его ученик предложил отменить принесение в жертву живого барана, возразил:

— Тебе, Цы, жаль барана,
А мне жаль ритуала.

Многие на грани анекдота подробности жизни Конфуция относятся именно к этой области его увлечения. Таким, например, он изображен при царском дворе:

«Когда входил в ворота государя,
Как бы кланялся,
Словно не помещаясь,
И останавливался, но не посредине,
И проходил, не наступая на порог.
Минуя же престол,

В лице как бы менялся,
И ноги у него как бы подкашивались,
И слов ему, похоже, не хватало.
Вот, подбирая полу, поднимался в зал,
Как бы склоненный,
Затаив дыхание, словно не дышал».

Такой же, до комизма сложный ритуал он требовал соблюдать в отношениях с родителями, с другими членами семьи, с друзьями и знакомыми. Вся жизнь мудреца пронизана обрядностью, включая манеру одеваться и другие стороны быта. За ритуальную привередливость к еде от него, как рассказывается в одном из анекдотов, сбежала жена.

Можно было бы пожать плечами и увидеть в этом милую и смешную слабость великого человека. Правители — современники Конфуция и принимали его нередко за чудака и шута. Но они ошибались. Прошло несколько веков, и имя Конфуция стало одним из самых почитаемых в Китае.

И ведь что интересно: утверждая необходимость ритуала, он не настаивал на восстановлении прежнего антропоморфного представления о Небе. Да и другие «духи» не привлекали особо его внимания. Он делает своим знаменем древний ритуал, оставляя в стороне то, ради чего ритуальное действие главным образом и совершалось.

«Приноси жертву духу,
Будто дух присутствует», —

учил Конфуций, и это «будто» красноречивее многих рассуждений показывало, что духи здесь играли роль необязательной условности. Безусловна в обрядности только связь с древностью. В традиционных установлениях и обычаях Конфуций видел сохранившиеся формы жизни первопредков. Эти формы в его время использовались не к месту, утратили свое истинное содержание. Выход был один: чтобы вернуться к древности, требовалось выявить изначальный смысл древних ритуалов и всю жизнь втиснуть в эти правильно понятые ритуальные формы. Формальная сторона казалась особенно важной. Конфуций ставил задачу с помощью ритуала формализовать до предела естественную, земную жизнь, воспитать отношение к ней как к необходимой формальности. Ставя заслон человеческому естеству, он стремился ввести человека в поток истории и, вернув к ее истокам, возвысить его до уровня божественной нравственной

природы, воплощенной в Небе и предках. В более конкретном плане это означало, что люди, ведя земную жизнь, должны жить не земным, а вечным. Человек может быть знатен и богат, но и почести, и материальные блага для него — не предмет естественной гордости и удовольствия, а лишь знак, формальность, указывающая на то, что он живет нравственной жизнью в нравственном государстве.

«Стыдись
Быть бедным и убогим
Когда в стране есть путь;
Стыдись
Быть знатным и богатым,
Когда в ней нет пути».

«Благородный муж» думает о пути, а не о бедности. Но когда божественная нравственная природа заполняет все естество человека, он обретает свободу и сам становится спонтанным источником высшей нравственности, не уступающей древним образцам.

«В семьдесят лет
Я следовал тому, чего желало сердце,
Не нарушая меры».

Этими словами Конфуций подводил итог своему жизненному пути. В них и заключалась высшая мера милосердия, любви к людям. Любовью являлась абсолютная свобода в пределах нравственной памяти, достигаемая теми, кому она давалась, через абсолютную несвободу, ведущую в конечном счете к их полному освобождению. О самом заветном в учении Конфуция, перефразируя известные слова Христа, можно было бы сказать так: «И познаете прошлое, и прошлое сделает вас свободными».

ПРИМЕЧАНИЯ

Путь благородного мужа

[1] В октябре 1989 г. намечено широко отметить следующую «круглую» дату: 2540-ю годовщину со дня рождения Конфуция. Все эти мероприятия организует Фонд Конфуция, созданный в Китае в 1984 г. При Фонде издается специальный научный журнал по изучению конфуцианства и традиционной китайской культуры.

[2] Изречения Конфуция приводятся в переводе автора этой бро-

шюры по изданию: «Собрание сочинений мудрецов» («Чжу цзы цзичэн»). — Т. 1. — Пекин, 1957.

[3] Имеется в виду древнекитайская династия Чжоу (XI—III вв. до н. э.).

[4] Фрагменты даются в переводе автора этой брошюры по изданию: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). — В кн.: Четыре династийные истории. — Т. 1. — Шанхай, 1935.

[5] Лу — название княжества, где родился Конфуций; князь Возвышенный правил там с 572 до 541 г.

[6] Имя Конфуция в западных языках происходит от латинской транскрипции китайских слов: «Кун фуцзы» — «Учитель Кун». Второе имя давалось в Китае в знак уважения.

[7] Цзоу — название посада, где родился Конфуций.

[8] Вельможи Цзи были первыми советниками князя Лу.

[9] Ци, Сун, Вэй, Чэнь, Цай — названия древнекитайских княжеств.

[10] Китайские меры длины.

[11] Здесь называются имена легендарных правителей и советников, идеализированных в конфуцианской традиции.

[12] Цилини, драконы и фениксы — чудесные звери и птицы, о которых рассказывается в древних китайских мифах и легендах.

[13] Одна из священных гор в Древнем Китае.

[14] Ся, Инь, Чжоу — древнейшие царствования на территории Китая. (О Чжоу см. прим. 3.)

[15] Князь Скорбящий правил в Лу с 494 до 465 г.; по китайскому календарю дни обозначались особыми циклическими знаками.

[16] Мера земельной площади в Древнем Китае.

[17] Династия Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.).

[18] Ханьский император Гао правил в 206—194 гг.

[19] Известный с древности свод песен, вошедший в состав канонической литературы конфуцианства.

[20] Имеются в виду шесть канонических конфуцианских книг.

Мудрость Конфуция

[1] Военачальник Хуань Туй из княжества Сун пытался убить Конфуция.

[2] Царь Просвещенный — Вэньван (XI в. до н. э.), легендарный правитель, почитавшийся конфуцианцами.

[3] Чжоугун, сын царя Просвещенного, один из наиболее почитаемых конфуцианцами легендарных правителей древности.

[4] Более подробно о религиозно-философских аспектах учения Конфуция см.: Семененко И. И. Афоризмы Конфуция. Изд-во МГУ. — 1987.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В литературе Древнего Китая рассыпано множество афоризмов, речей и бесед Конфуция. Наиболее ценным их собранием является книга «Луньюй»— «Изречения» (другой перевод ее названия — «Беседы и суждения»), составленная учениками и последователями Конфуция после его смерти. «Луньюй» был настольной книгой образованных китайцев на протяжении многих столетий, а с распространением конфуцианства в других странах Дальнего Востока занял выдающееся место и в их духовной жизни. И даже в наши дни совсем не редкость встретить бизнесмена, скажем, из Тайваня или Сингапура, рассматривающего «Луньюй» как непреложный нравственный ориентир в сложностях современной жизни.

В нашей стране «Изречения» частично переводились несколько раз. Автор дает свой перевод избранных фрагментов из этой книги. Впервые он был опубликован в его монографии: «Афоризмы Конфуция» в издательстве МГУ (1987 г.). Сделана попытка передать ритмический рисунок, своеобразную поэтичность оригинала. В брошюре этот перевод приведен частично (отобраны высказывания, наиболее близкие к теме брошюры).

ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ И АФОРИЗМЫ КОНФУЦИЯ

Учитель сказал[1]:
— Не радостно ль
Учиться и постоянно совершенствоваться?
И не приятно ль
Видеть друга, идущего издалека?
Не тот ли благородный муж,
Кто не досадует, что неизвестен людям.

Юцзы[2] сказал:
— Редко бывает,

Чтобы человек, почтительный к родителям и старшим,
Любил бы нападать на высших,
И не бывает вовсе,
Чтобы тот, кто не любил бы нападать на высших,
Любил бы затевать смуты.
Благородный муж трудится над корнем,
С установлением корня рождается и путь.
Сыновняя почтительность и уважение к старшим —
Это и есть корень милосердия!

Цзэнцзы[3] сказал:
— Я на день себя трижды вопрошаю:
Остался ли я верен тем, для кого стараюсь,
И сохранил ли искренность в общении с друзьями,
И повторял ли то, что мне передавалось.

Учитель сказал:
— Если благородный муж не думает о сытости
И не стремится жить в покое,
Проворно служит, осторожно говорит
И исправляется от приближения к пути,
Он может называться любящим учиться.

Учитель сказал:
— Не печалься о том, что люди тебя не знают,
А печалься о том, что ты не знаешь людей.

Учитель сказал:
— Кто правит согласно добродетели,
Подобен северной звезде:
Стоит на своем месте
В кругу других созвездий.
Мэн Ицзы[4] спросил о сыновней почтительности.

Учитель ответил:
— Это послушание!

Фан Чи[5] вез в колеснице Учителя, и тот ему сказал:
— Когда Мэнсунь спросил меня о сыновней почтительности,
Я ему ответил: «Это послушание»!

Фань Чи спросил:
— Что это значит?

Учитель ответил:
— Служи родителям по ритуалу,
И приноси им жертвы далее по ритуалу!
Когда умрут — их погреби по ритуалу,
Цзыю [6] спросил о сыновней почтительности.

Учитель ответил:
— Ныне почитать родителей —
Это значит уметь кормить.
Но и лошади, и собаки
Могут тоже получать пропитание.
Как же отличить одно от другого,
Если не будет самой почтительности?!
Цзыся [7] спросил о сыновней почтительности.

Учитель ответил:
— Это когда трудно делать вид.
Когда же появляются дела —
И сын или младший брат берут о них заботы,
А появляется вино, еда —
И ими потчуют преждерожденного,
Как можно это считать сыновнею почтительностью?!

Учитель сказал:
— Благородный муж не инструмент.

Учитель сказал:
— Напрасно обучение без мысли,
Опасна мысль без обучения.

Учитель сказал:
— Ю! [8]
Научить ли тебя знанию?
Что знаешь, то считай, что знаешь,
Незнание считай незнанием.
Это и есть знание.

Князь Скорбящий [9] спросил:
— Как привести народ к покорности?

Конфуций ответил:
— Если возвышать прямых и отстранять кривых,
Народ сам покорится;
Если возвышать кривых и отстранять прямых,
Народ не покорится.

Учитель сказал:
— Приносить жертву чужому духу будет лесть,
А видеть должное и не исполнить — трусость.

Учитель сказал:
— Человеку и быть немилосердным:
Какой уж тут обряд?!
Человеку и быть немилосердным:
Какая уж тут музыка?!

Учитель сказал:
— У варваров при государе —
Хуже, чем у китайцев без него.

Учитель сказал:
— Благородный муж ни в чем не состязается,
Когда ж обязан, то разве что в стрельбе!
Он поднимается, приветствуя и уступая,
Спускаясь, пьет вино.
Он — благородный муж и в состязании.

Хранитель границы[10] в И, прося о встрече, сказал:
— Когда в этих местах бывали благородные мужи,
Мне удавалось с каждым из них встретиться.

Ученика его допустили. А выйдя, он сказал:
— Почтенные!
К чему скорбите о погибели?
Уже давно пути нет в Поднебесной!
И Небо скоро сделает Учителя колоколом.

Учитель сказал:
— Прекрасно там, где пребывает милосердие.
Разве достигнуть мудрости,
Если не жить в его краях?!

Учитель сказал:
— Лишенный милосердия
Не может долго оставаться в бедности,
Не может постоянно быть полным радости.
Милосердный находит в милосердии покой,
А мудрый в милосердии находит пользу.

Учитель сказал:
— Если стремиться к милосердию, не будет зла.

Учитель сказал:
— Знатность и богатство —
Это то, чего так жаждут;
Если я их обретаю незаслуженно,
Ими не пользуюсь.
Убожество и бедность —
Это то, что люди ненавидят;
Если я их обретаю незаслуженно,
Ими не гнушаюсь.
Как может благородный муж добиться имени,
Если отвергнет милосердие?!
Благородный муж даже на время трапезы не забывает о милосердии,
И в спешке — непременно и тогда,
И под угрозой — непременно и тогда.

Учитель сказал:
— Если услышать утром о пути,
То вечером и умереть не жалко!

Учитель сказал:
— С теми, кто устремляется к пути,
А гадкой пищи и одежды стыдится,
Не стоит разговаривать!

Учитель сказал:
— Благородный муж
Ничего не разрешает
И не запрещает в Поднебесной,
А соразмеряется со справедливостью.

Учитель сказал:
— Когда исходят лишь из выгоды,
То множат злобу.

Учитель сказал:
— Не печалься о том, что нет места,
А заботься о том, чем себя утвердить;
Не печалься о том, что никто не знает тебя,
А стремись быть тем, кого могут знать.

Учитель сказал:
— Благородный муж научен справедливостью,
Малый человек научен выгодой.

Учитель сказал:
— Увидев мудрого, стремитесь с ним сравняться,
Увидев недостойного, вникайте внутрь себя!

Учитель сказал:
— Служа отцу и матери,
Их увещай не слишком;
А видишь, что не слушают,
Их чти, им не перечь;
А будут удручать тебя, ты не ропщи.

Учитель сказал:
— При живых отце и матери
Далеко от них не уезжай,
А уедешь, непременно будь на одном месте.

Учитель сказал:
— Сыновней почтительностью можно назвать то,
Когда в течение трех лет не исправляют пути отца.

Учитель сказал:
Нельзя не помнить
Возраста отца и матери:
Чтобы не радоваться
И в то же время не бояться.

Учитель сказал:
— Благородный муж стремится говорить косноязычно,
А действовать искусно.

Учитель сказал:
— Добродетель не бывает одинокой,
У нее непременно есть соседи.

Кто-то сказал:
— Юн [11] — милосердный человек, но говорить не мастер.

Учитель ответил:
— Зачем ему красноречивость?
Встречать людей хитросплетенной речью —
Значит вызывать в них ненависть.
Не знаю, милосердный ли он человек,
Но зачем ему красноречивость?

Учитель спросил Цзыгуна [12]:
— Кто из вас лучше, ты или Хуэй? [13]

Цзыгун ответил:
— Как смею я равнять себя с Хуэем?!
Хуэй, услышав об одном, уж знает остальные десять,
А я, услышав об одном, еще лишь знаю о втором.

Учитель сказал:
— Не равен,
Я согласен,
Ты ему не равен.

Цзай Юй [14] заснул днем. Учитель сказал:
— Гнилая древесина не годится для резьбы,
На стену из навоза не нанести обмазки.
За что же упрекать мне Юя?

Учитель сказал:
— Сначала, будучи с людьми
И внемля их речам, я верил, что они их выполнят;
Теперь же, будучи с людьми
И внемля их речам, я жду, когда они их выполнят.
Эта перемена произошла со мной от Юя.

Цзыгун сказал:
— Чего я не желаю, чтобы другие делали мне,
То я желаю не делать другим.

Учитель сказал:
— Сы, это для тебя недостижимо.
Когда Цзылу чему-либо внимал,
Но выполнить не мог,
Тогда боялся лишь еще чего-нибудь услышать.

Учитель сказал:
— Янь Пинчжун [15] владел искусством общения с людьми:
Был вежлив и со старым другом.

Цзычжан спросил:
— Что был за человек министр Цзывэнь:
Он трижды служил на этой должности,
Не выражая радости,
И трижды уходил с нее,
Не выражая огорчения,
И непременно передавал свои дела
Новому министру?

Учитель ответил:

— Это был преданный человек.
— А был ли милосердным он?
— Не знаю, откуда мог бы быть он милосердным?
— А что за человек был Чэнь Вэньцзы:
Он владел десятью четверками коней,
Но бросил их, бежал,
Когда Пзуйцзы убил государя царства Ци;
Достигнув же другой страны, сказал:
«Походят здесь на нашего сановника Цуйцзы»,
И бежал оттуда;
Прийдя еще в одну страну, он опять сказал:
«Походят здесь на нашего сановника Цуйцзы»,
И бежал оттуда?

Учитель ответил:

— Это был честный человек.
— А был ли милосердным он?
— Не знаю, откуда мог бы быть он милосердным?!

Цзи Вэньцзы [16] трижды думал, перед тем как действовать.

Учитель, услышав об этом, сказал:

— Достаточно подумать дважды!

Учитель сказал:

— Кто говорил, что Вэйшэн Гао [17] человек прямой?
Кто-то попросил у него уксуса,
И он дал его,
Выпросив у своего соседа.

Учитель сказал:

— Все кончено!
Я не встречал того, кто может осудить себя в душе,
Когда он видит свои ошибки.

Когда Янь Юань и Цзылу предстали перед Учителем, он им сказал:

— А почему бы каждому из вас не высказать своего желания?

Цзылу ответил:

— Я хотел бы иметь коней и колесницу,
Одежду из тонкого меха
И ими пользоваться вместе с друзьями,
Когда ж они придут в негодность, не досадовать.

Янь Юань продолжил:
— А я хотел бы не кичиться добротой
И никому не доставлять забот.

Цзылу сказал:
— Хотелось бы узнать Ваше желание, Учитель.

Учитель ответил:
— Коль старый, то его покоить,
Коль друг, то доверять ему,
Коль малый, то его лелеять.

Когда Князь Скорбящий спросил Конфуция о том, кто из его учеников любит учиться, он ответил:
— Был Янь Хуэй,
Он любил учиться,
Не гневался,
Не повторял ошибок.
К несчастью, его жизнь была короткой,
Он умер,
Теперь таких уж нет.
Не слышно, чтобы были те, кто бы любил учиться.

Боню [18] заболел. Учитель пришел его проведать и, взяв через окно его за руку, сказал:
Умрет он, такова судьба.
Такие люди
И страдают такой болезнью!
Такие люди
И страдают такой болезнью!

Жань Цю [19] сказал:
— Не то, чтоб мне не нравился Ваш путь,
Но сил моих недостает.

Учитель ответил:
— В ком сил недостает,
На полпути бросают.
А ныне чертишь ты.
Когда Учитель был рядом с человеком в трауре,
Он никогда не наедался досыта.

Учитель сказал:
— Кто может выходить, минуя дверь?
Так почему никто не следует по этому пути?

Фань Чи спросил о знании.
Учитель ответил:
— Добиваться для народа справедливости,
Чтить демонов и духов, но к ним не приближаться, —
Это и может называться знанием.

Фань Чи спросил о милосердии.
— У милосердного на главном месте — трудности,
А уж потом — успехи, —
Это и может называться милосердием.

Учитель сказал:
— В том моя скорбь,
Что добродетели не совершенствуют,
Учением не занимаются,
Узнав о должном, ему не могут следовать,
И не способны изменить порок.

Учитель сказал:
— Что касается святости и милосердия,
То разве смею я ими обладать?!
Но что тружусь я ненасытно,
Учу других без устали,
То это можно обо мне сказать.

Гунси Хуа [20] ответил:
— Как раз этому-то и не могут научиться Ваши ученики.

Учитель сказал:
— Далеко ль милосердие?
Я к нему стремлюсь —
И так оно приходит!

Учитель сказал:
— Всегда будь искренним, люби учиться,
Стой насмерть, совершенствуй путь.
Страна в опасности — ее не посещай,
В стране мятеж — там не живи.
Есть в Поднебесной путь — будь на виду,
А нет пути — скрывайся.
Стыдись
Быть бедным и убогим,

Когда в стране есть путь;
Стыдись
Быть знатным и богатым,
Когда в ней нет пути.

Когда Цзэнцзы заболел и Мэн Цзинцзы[21] пришел его навестить,

Цзэнцзы сказал:
— Птицы перед смертью
Горестно кричат;
Люди перед смертью
К доброте зовут.

Цзэнцзы сказал:
— Ученый человек не может не обладать великою решительностью,
Ибо его обязанность трудна, а путь далек.
Он считает милосердие своей обязанностью —
Это ли не трудно?!
Она кончается лишь с его смертью —
Это ли не далеко?

Учитель сказал:
— Народ можно принудить к послушанию,
Но его нельзя принудить к знанию.

Учитель сказал:
— Быть смуте, когда смелы и ненавидят бедность;
Быть смуте, когда уж слишком ненавидят
Людей, лишенных милосердия.

Учитель сказал:
— Блистай ты хоть великолепием талантов Чжоугуна[22],
Но если скуп ты и заносчив,
Из остального в тебе будет не на что смотреть!

Первый министр спросил у Цзыгуна:
— Как много у Учителя талантов!
Уж не святой ли он?

Цзыгун ответил:
— Воистину Небо позволило ему прикоснуться к святости
И так же обрести множество талантов.

Учитель, услышав об этом, сказал:
— Знает ли меня первый министр?
Я в молодости был незнатен
И потому знал множество простых профессий.
А много ль знает благородный муж?
Совсем немного.

Учитель сказал:
— Учись, словно не можешь обрести
И будто опасаешься утратить.

Учитель сказал:
— В дела другого не входи,
Когда не на его ты месте.

Учитель сказал:
— Кто возвышается над средним человеком,
С тем можно говорить о высшем;
Кто его ниже,
С тем о высшем говорить нельзя.

Учитель сказал Янь Юаню:
— Когда используют, то действуем,
А отвергают, то скрываемся.
Так поступаем только мы с тобой.

Цзылу спросил:
— А с кем бы вы, учитель, были,
Если бы вели войска?

Учитель ответил:
— Не с тем,
Кто может броситься на тигра или в реку
И умереть без сожаления,
Но непременно — с тем, кто приступает к делу с осторожностью
И со своей любовью к построению планов добивается успеха.

Учитель сказал:
— В молчании помнить,
Учиться ненасытно
И наставлять других без устали.
Что есть во мне из этого?

В тот день, когда Учитель плакал,
Он не пел.

Учитель сказал:
— Нестраждущих не просвещаю,
Непотрясенных не учу.
Не повторяю тем,
Кто не способен отыскать по одному углу
Три остальные.

Янь Юань со вздохом произнес:
— Смотрю — оно все выше,
Вникаю — все сокрытей,
Гляжу — передо мною,
То вдруг уж позади.
Учитель сразу все не раскрывает,
Умеет завлекать людей.
Он всесторонне просвещает нас
И сдерживает ритуалом.
Хотел оставить это и не мог,
Когда же истощил все свои силы,
Как будто бы уж было рядом.
Я хочу следовать за ним,
И не могу этого сделать.

Учитель сказал:
— Прими за главное преданность и искренность,
С теми, кто тебе не равен, не дружи,
И не бойся исправлять свои ошибки.

Учитель сказал:
— Бывает, появляются ростки, но не цветут,
Бывает, что цветут, но не дают плодов.

Учитель сказал о Янь Юане:
— О нем моя кручина!
Я видел, как вперед он продвигался,
И никогда не видел, чтобы останавливался.

Когда Янь Юань умер, его отец Лу попросил у Учителя повозку, чтобы приобрести за нее саркофаг.

Учитель ответил:
— Каждый печется о своем сыне;
Будь он талантливым, либо бесталанным.

Когда мой сын умер,
Его похоронили в гробу без саркофага.
Я не буду ради саркофага ходить пешком.
Я иду вслед за сановниками,
Поэтому мне не полагается ходить пешком.

Когда Янь Юань умер, Учитель воскликнул:
— О!
Гибну я от Неба!
Гибну я от Неба!

Когда Янь Юань умер, Учитель безутешно горевал.
Ученики ему сказали:
— Учитель, не горюйте так.
— Так не горевать?
О ком же так и не скорбеть,
Как не об этом человеке?!

Цзыгун спросил о том, как стать милосердным.
Учитель ответил:
— Ремесленник, желая достичь успеха в своем деле,
Сначала обязательно натачивает свой инструмент.
Живя в какой-либо стране,
Служи лишь тем ее сановникам, кто наиболее достоин,
Дружи лишь с теми из ее мужей, кто полон милосердия.

Фань Чи спросил о милосердии.
Учитель сказал:
— Это когда любят других.
Фань Чи спросил о знании.
Учитель ответил:
— Это когда знают других.

Фань Чи не понял,
Тогда Учитель пояснил:
— Коль возвышать прямых и устранять кривых,
То могут все кривые сделаться прямыми.

Фань Чи ушел и, встретившись с Цзыся, сказал:
— Недавно я был у Учителя и спросил его о знании.
Он ответил:
— Коль возвышать прямых и устранять кривых,
То могут все кривые сделаться прямыми.

Что это значит?

Цзыся ответил:
— Прекрасно сказано!
Когда Шунь правил Поднебесной
И выбирали из толпы,
То выдвинули Гаояо,
И все, кто не был милосердным, удалились;
Когда Тан правил Поднебесной
И выбирали из толпы,
Возвысили Ииня,
И все, кто не был милосердным, удалились[23].

Чжунгун, став правителем у клана Цзи, спросил о правлении.

Учитель ответил:
— Прежде обрети себе помощников,
Не казни за малые ошибки,
Возвышай достойных и способных.
— А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? — спросил Чжунгун.

Учитель сказал:
— Возвысь тебе известных,
А тех, что ты не знаешь,
Отринут ли другие?

Когда Учитель проезжал по княжеству Вэй, Жань Ю правил колесницей.

Учитель сказал:
— Какое множество людей!

Жань Ю[24] спросил:
— Раз уж много,
То что еще надо для них сделать?
— Их обогатить, — ответил Учитель.

Жань Ю[24] спросил:
— А если станут и богаты,
То что еще надо для них сделать?
— Их обучить, — сказал Учитель.

Учитель сказал:
— Когда ведешь себя ты правильно
То за тобой пойдут и без приказа;

Когда же ты ведешь себя неправильно,
То не послушают, хоть и прикажешь.

Учитель сказал:
— Когда себя ты исправляешь,
То с чем не сладишь ты в делах правления?
Когда не можешь сам себя исправить,
То как же будешь исправлять других?

Цзыгун спросил:
— Что если кого-то любят все односельчане?

Учитель ответил:
— Это плохо.
— Что если кого-то ненавидят все односельчане? — снова спросил Цзыгун.

Учитель сказал:
— Это тоже плохо.
Будет лучше, если его полюбят хорошие односельчане
И возненавидят злые.

Учитель сказал:
Бывает, благородный муж — и нет в нем милосердия,
Но не бывает, чтобы малый человек — и был он милосердным.

Учитель сказал:
— Трудно бедняку злобы не питать
И легко богатому не быть заносчивым.

Цзычжан спросил:
— Каким должен быть тот,
Кого можно назвать выдающимся человеком?
— А что, по-твоему, значит выдающийся? — спросил Учитель.
— Быть непременно известным в государстве,
Быть непременно известным и в семье — ответил Цзычжан.

Учитель ему возразил:
— Это человек известный,
А не выдающийся.
А выдающийся
Бесхитростен и прям, он любит справедливость,

Проверке подвергает слова людей и наблюдает за выражением их лиц,
Заботится о том, чтоб быть ниже других.
Он-то непременно и будет выдающимся человеком в государстве
И непременно выдающимся в семье.
Кто же известен,
Тот проявляет милосердие для вида,
А поступает вопреки ему
И так живет, не ведая сомнений,
Он непременно становится известным в государстве,
Становится известным и в семье.

Учитель сказал:
— Есть простую пищу и пить воду,
Спать на локте —
В этом тоже заключается радость!

Цзыгун спросил о правлении.

Учитель ответил:
— Это когда достаточно еды,
Достаточно солдат,
И есть доверие народа.

Цзыгун спросил:
— А если бы была необходимость,
То что бы прежде Вы исключили из перечисленного?
— Исключил бы солдат, — ответил Учитель.

Цзыгун опять спросил:
— А если бы была необходимость,
То, что бы прежде Вы исключили из оставшегося?
— Исключил бы пищу.
Смерть издревле никто не может избежать,
Когда ж народ не верит, то не устоять.

Учитель хотел уйти жить к восточным варварам. Кто-то сказал:
— Как это так? Они грубы!

Учитель ответил:
— Какая грубость может быть,
Где благородный муж?!

Учитель сказал:

— Если найдется истинный правитель,
То непременно через поколение все станут милосердными.

Учитель сказал:
— Скакуны не славятся за силу,
Они славятся за добрый нрав.

Фань Чи, сопровождая Учителя на прогулке у алтаря Дождя, сказал:
— Осмелюсь спросить, что значит возвысить добродетель, очистить от скверны и уяснить заблуждение?

Учитель ответил:
— Как ты хорошо спросил!
Разве не возвысить добродетель,
Если дело предпочесть его итогу?
Разве не очиститься от скверны,
Если в бой вступить с дурным в себе
И не задевать дурного у других?
Разве не изведать заблуждения,
Если из-за краткой вспышки гнева
Позабыть себя и своих близких?

Когда умирал его друг, которого некому было похоронить, он говорил:
— Я похороню.

Друзьям за подарки, будь то даже повозка и кони, но не жертвенное мясо, он не кланялся.

Учитель сказал:
— По ритуалу,
Шапке надлежит быть из пеньки,
Но ныне ее делают из шелка,
Что дешевле,
И в этом я следую за всеми.
По ритуалу,
Надо кланяться внизу у входа в залу,
Но ныне кланяются наверху,
Что дерзко.
Пусть буду против всех,
Но кланяюсь внизу.

Цзыгун спросил:

— Кто лучше Ши иль Шан?
Учитель ответил:

— Ши переходит через край, Шан не доходит.
— Тогда Ши лучше?
Учитель ответил:
— Переходить не лучше, чем не доходить.

Учитель сказал:
— Я разбираю тяжбы не хуже остальных,
Но надобно, чтоб тяжбы не велись.
Фань Чи спросил о милосердии,

Учитель ответил:
— Быть дома благолепным,
Почтительным на службе,
Не подводить других.
И, удалившись к варварам,
Нельзя отбросить это.

Учитель сказал:
— Если не удастся быть с идущими посредине,
Буду непременно и с необузданным, и с робким.
Необузданный пойдет на поиски вперед,
Робкий же всего не сделает.

Учитель сказал:
— Кто добродетелен, тот непременно и красноречив,
Красноречивый же не обязательно проникнут добродетелью.
Кто полон милосердия, тот непременно храбр,
Кто храбр, не обязательно полон милосердия.

Цзай Во [25] спросил о трехгодичном трауре:
И год-то будет уже долго.
Если благородный муж три года не будет заниматься ритуалами,
То ритуалы непременно придут в расстройство;
Если благородный муж три года не будет заниматься музыкой,
То музыка потерпит неизбежный крах.
А можно было б траур завершить за год,
Когда уж съеден старый хлеб,
И поступает новый,

И полностью сменяется огонь.

Учитель спросил:
— А будешь ли спокоен ты,
Питаясь рисом и надев парчу?
— Да, буду.
— Раз будешь ты спокоен,
То так и поступай.
А благородный муж, когда он в трауре,
Ест вкусно — и не нравится,
Слышит музыку — не наслаждается,
И дома, а не чувствует покоя,
Поэтому он этого не делает.
А ныне, раз будешь ты спокоен,
Так и поступай.

Жу Бэй хотел увидеться с Конфуцием.
Конфуций отказался, сославшись на болезнь,
Но только посланный стал удаляться со двора,
Взял гусли и запел,
Чтоб тот его услышал.

Учитель ответил:
— Я бы хотел не говорить.
Цзылу спросил:
— А что продолжат тогда ученики,
Если вы не будете говорить?

Учитель ответил:
— А говорит ли Небо что-нибудь?
Но чередуются в году сезоны,
Рождается все сущее.
А говорит ли Небо что-нибудь?

Учитель сказал:
— Как можно вместе с низким человеком служить правителю?!
Когда он не достиг чего-то,
То беспокоится о том, чтобы достигнуть.
Когда уже достиг,
То беспокоится о том, чтоб не утратить,
Когда же беспокоится о том, чтоб не утратить,
То до всего дойдет.

Конфуций сказал:

— Высший — тот, кто знает от рождения;
Следующий — тот, кто познает в учении;
Следующий далее —
Учится, когда испытывает крайность;
Те же, кто и в крайности не учатся, —
Люди низшие.

Учитель сказал:

— В древности учились для себя,
Ныне учатся для окружающих.

Фань Чи попросил научить его земледелию.

Учитель сказал:

— Мне не сравниться с искусным земледельцем.

Фань Чи попросил научить его возделывать огород.

Учитель ответил:

— Мне не сравниться с искусным огородником.

Когда Фань Чи вышел, Учитель сказал:

— Воистину ничтожный человек — Фань Сюй!
Коль высший любит ритуал,
Никто в народе не посмеет быть непочтительным;
Коль высший любит справедливость,
Никто в народе не посмеет быть непослушным;
Коль высший любит честность,
Никто в народе не посмеет быть неискренним.
И если будет так,
То отовсюду станет прибывать народ,
Неся в пеленках за плечами своих детей,
Зачем же тогда будет заниматься земледелием?

Конфуций сказал:

— Благородный муж испытывает трижды трепет:
Он трепещет перед волей Неба,
С трепетом относится к великим людям,
И трепещет перед тем, что изрекли святые.
Малый человек, не зная воли Неба, перед нею не трепещет,
Непочтительно ведет себя с великими людьми,
Презирает то, что изрекли святые.

Учитель сказал:

— Не происходит изменений лишь с высшей мудростью и низшей глупостью.

Цзылу спросил:

— Что слышу от тебя, мне тут же исполнять?

Учитель ответил:

— У тебя живы отец и старший брат.

Как же тебе можно, что слышишь, тут же исполнять?

Жань Ю[24] спросил:

— А мне, что слышу, тут же исполнять?

Учитель ответил:

— Что слышишь, тут же исполняй.

Гунси Хуа спросил:

— Когда Ю задал вопрос,

Вы ему сказали, что у него живы отец и старший брат.

Когда же Цю задал вопрос,

Вы ему сказали, чтобы он то, что слышит, тут же исполнял.

Я не понимаю и прошу Вас мне объяснить.

Учитель ответил:

— Цю медлит,

Поэтому я его подгоняю,

Ю рвется обогнать,

Поэтому его я сдерживаю.

Когда Учителю угрожали в Куане, Янь Юань бежал сзади.

Учитель сказал:

— Я думал, ты уж мертв.

— Как я посмею умереть,

Когда Учитель жив?!

Цзи Цзыжань спросил:

— Можно ли назвать Чжун Ю и Жань Цю великими слугами?

Учитель ответил:

— Я думал, Вы спросите о чем-нибудь особенном,

А Вас интересуют Ю и Цю!

Кого зовут слугой великим,

Тот служит государю, следуя пути,

И удаляется, когда так поступать не может.
А Ю и Цю можно назвать угодливыми слугами.
— Значит, они будут послушны?

Учитель ответил:

— На убийство отца или государя не согласятся и оии.

Циский князь Просветленный спросил у Конфуция о правлении.

Конфуций ответил:
— Это когда будет государем государь,
Слугой слуга,
Отцом отец
И сыном сын.

Правитель ответил:
— Отлично! Воистину, если не будет государем государь,
Слуга слугой,
Отец отцом
И сыном сын,
То пусть бы у меня был хлеб,
Разве смогу его я есть?

Учитель сказал:
— Ю, редки знающие добродетель!

Учитель сказал:
— Никто меня не знает.

Цзыгун спросил:
— Как же это, что Вас никто не знает?

Учитель ответил:
— Не ропщу на Небо,
Не виню людей,
Низшим занимаясь, высшее узнал.
Небо лишь и знает,
Кажется, меня.

Цзылу заночевал у Каменных ворот, привратник его спросил:
— Ты от кого идешь?
— От Конфуция,— ответил Цзылу.

Тогда привратник сказал:
— Не тот ли это, кто знает, что он не может,

Но делает?

Учитель сказал:

Когда не говорите с тем,
С кем можно говорить,
Теряете людей;
Когда же говорите с тем,
С кем говорить нельзя,
Теряете слова.
Мудрый не утрачивает людей,
И также не теряет слов.

Когда Цзылу, Цзэн Си[26], Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя, он им сказал:

— Забудем, что я вас немного старше.
Вот Вы, когда нигде не служите, то жалуетесь:
«Нас не знают».
А если бы знали,
То что б вы сделали?

Первым поспешил ответить Цзылу:

— Иметь бы царство в тысячу колесниц,
Пусть бы даже оно было в зависимости от других царств,
Страдало от войн,
Испытывало тяжкий голод,
Я за три года
Добился бы того, что все бы в нем прониклись мужеством
И знали бы, что делать.

Учитель на это усмехнулся:

— А ты, Цю, что бы сделал? — он спросил Жань Ю.
— Иметь земли бы верст шестьдесят или семьдесят,
А то хотя бы пятьдесят или шестьдесят,
Я за три года бы
Привел народ к достатку.
Что до ритуала и музыки,
Для них пришлось бы подождать прихода благородного мужа.
— А ты, Чи, что бы сделал? — Учитель спросил Гунси Хуа.

— Нельзя сказать, чтоб я это умел,
Но я хотел бы поучиться
И тогда быть младшим помощником,
При полном облачении,
Во время службы в храме предков
И на приемах при дворе.
— А ты, Дянь, что бы сделал? — Учитель спросил Цзэн Си.

Замолкли струны, с их последним отзвуком Цзэн Си отложил лютню, поднялся и ответил:
— Мое желание отлично от других.
— Что ж тут плохого?
Ведь каждый высказывает свое желание, — сказал Учитель.
— В конце весны,
Когда уж сотканы весенние одежды
И были бы со мной человек пять-шесть молодых людей
И шесть-семь подростков,
Омыться б в водах. И,
Побыть бы на ветру у алтаря Дождя
И с песней возвратиться.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:
— Хочу быть с Дянем.

Когда трое остальных вышли, Цзэн Си, уходивший последним, спросил Учителя:
— Как Вам понравились их речи?
— Каждый из них лишь высказал свое желание, — ответил Учитель.
— Над чем Вы усмехнулись в словах Ю?
— Государством управляют с помощью ритуала,
Его же речь была такой заносчивой,
Поэтому я усмехнулся, — ответил Учитель.
— А разве Цю не хотел бы править государством?
— Где же ты видел, чтобы земля верст в шестьдесят иль семьдесят,
А то хотя бы в пятьдесят иль шестьдесят
Была не государством?
— А разве Чи не хотел бы править?
— Храм предков и приемы при дворе —

Чье это дело как не правителей?
Если бы Чи был младшим,
То кто бы мог стать старшим?

Учитель сказал:
— Человек может сделать путь великим,
Не путь делает великим человека.

Учитель сказал:
— Лишь та — ошибка,
Что не исправляется.

Учитель сказал:
— Народу милосердие
Важнее, чем вода с огнем!
Я видел погибавших от воды с огнем,
Но никогда не видел, чтобы кто-нибудь погиб от милосердия.

Сыма Ню [26] спросил о благородном муже.
Учитель ответил:
— Благородный муж лишен тревоги и боязни.
— Лишен тревоги и боязни — такой только и будет называться благородным мужем? —
переспросил Сыма Ню.

Учитель сказал:
— Коль не найдешь внутри себя изъяна,
О чем тогда тревожиться, чего бояться?

Сыма Ню [26] спросил о благородном муже.
— У всех есть братья, только у меня их нет.

Цзыся ответил:
— Я об этом вот что слышал.
Жить иль умереть — зависит от судьбы,
Быть богатым, знатным допускает Небо.
Если благородный муж почтителен без упущений,
Вежливо обходится с людьми по ритуалу,
То в пределах четырех морей
Каждый будет ему братом.
Зачем тогда ему тревожиться о том,
Что у него нет братьев?

Цзи Канцзы, которого беспокоили воры, спросил совета у Конфуция. Конфуций ответил:

— Коль сами не впадете в алчность
И за награду воровать не будут.

Чжунгун спросил о милосердии.

Учитель сказал:

— Быть таким на людях, словно вышел встретить важную персону;
Править так народом, словно совершаешь важный жертвенный обряд;
Чего себе не пожелать,
Того не делать и другому;
Не знать вражды в своей стране,
Не знать вражды в своей семье.

Чжунгун сказал:

— Хоть я и глуп,
Все ж позвольте мне следовать этим словам.

Конфуций сказал:

— Благородный муж выполняет три запрета!
Когда он молод
И кровь его, дыхание не установились,
Он избегает наслаждений.
Когда достиг он зрелости
И кровь его, дыхание установились,
Он избегает драки.
Когда он стар
И кровь его, дыхание ослабли,
Он избегает жадности.

Учитель сказал:

— Природа каждого с другим сближает,
Привычка же их всех разъединяет.

Цзылу спросил о благородном муже.

Учитель ответил:

— Он совершенствует себя с благоговением.
— И это все?
— Он совершенствует себя, чтоб принести покой другим.
— И это все?
— Он совершенствует себя, чтоб принести покой всему народу.

Совершенствовать себя, чтоб приносить покой всему на-

роду — разве не об этом болели всей душой Яо и Шунь?[27]

Юань Жан[28], поджидая Учителя, сидел на корточках.

Учитель сказал:

— Тот разбойник,
Кто в детстве не был кроток и послушен,
Достигнув зрелости, не приобрел известности,
Состарившись, не умирает.

И ударил его палкой по ноге.

Цзылу спросил о том, как служить государю.

Учитель ответил:

— Не лги и не досаждай ему.

Учитель сказал:

— Благородный муж постигает высшее,
Малый человек постигает низшее.

Учитель сказал:

— Хуэй не помогает мне,
В моих речах он всем доволен.

Учитель сказал:

— Знающему далеко до любящего;
Любящему далеко до радостного.

Учитель сказал:

— У трех прохожих непременно найдется мне наставник,
Я выбираю то, что есть в них доброго, и следую ему,
Недоброе же в них я исправлю.

Учитель сказал:

— Есть, видимо, творящие без знаний.
Я не таков.
А слышать многое,
Выбирать в нем доброе и следовать ему,
Видеть многое и помнить —
Это в знании второстепенно.
Учитель ласков был, но строг,
Внушителен, но не свиреп,
Полон почтительности и покоя.

Конфуций сказал:

— Рядом с благородным мужем

Допускают три ошибки:
С ним говорить,
Когда ни слова не доходит до него, —
Это опрометчивость;
Не говорить,
Когда слова бы до него дошли, —
Это скрытность;
И говорить,
Не наблюдая за выражением его лица, —
Это слепота.

Учитель сказал:
— Искусной речью губят добродетель,
А нетерпимость в малом
Разрушает великий замысел.

Цзыгун спросил:
— Найдется ли такое одно высказывание,
Чтобы можно было следовать ему всю жизнь?

Учитель ответил:
— Не таково ли сострадание?
Чего себе не пожелаешь,
Того не делай и другим.

Учитель сказал:
— Благородный муж не возвышает за слова людей,
Но и не отбрасывает слов из-за людей.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ

[1] Этой стереотипной формулой вводятся в «Изречениях» слова Конфуция.
[2] Ученик Конфуция.
[3] Ученик Конфуция.
[4] Мэп Ицзы (Мэнсунь) — сановник княжества Лу.
[5] Ученик Конфуция.
[6] Ученик Конфуция.
[7] Ученик Конфуция.
[8] Ученик Конфуция Цзылу.
[9] См. прим. 15 к главе «Путь благородного мужа».
[10] Название должности.
[11] Ученик Конфуция Жань Чжунгун.
[12] Ученик Конфуция.
[13] Ученик Конфуция Янь Хуэй (Янь Юань).
[14] Ученик Конфуция Цзай Во.
[15] Сановник княжества Ци.
[16] Сановник княжества Лу.
[17] Уроженец княжества Лу.
[18] Ученик Конфуция.
[19] Ученик Конфуция.
[20] Ученик Конфуция.
[21] Сановник княжества Лу.
[22] См. прим. 3 к главе «Мудрость Конфуция».
[23] Здесь перечисляются мифические правители и их помощники.
[24] Ученик Конфуция.
[25] Ученик Конфуция.
[26] Ученик Конфуция.
[27] Мифические государи древности.
[28] Уроженец княжества Лу.

В своей деревне Конфуций
Был вроде простодушного
И словно говорить не мог.

А при дворе и в храме предков
Он говорил красноречиво,
Хотя и с осторожностью.

Когда он при дворе вел речи с высшими сановниками,
Был как бы тверд;
А в разговорах с низшими сановниками —
Как бы мягок.

При государе
Он выступал как бы почтительно,
Как бы с достоинством.
Когда же государь ему приказывал принять гостей,
Он как бы и в лице менялся.

Спешил вперед как бы на крыльях,
И как бы с почтительностью выступая,
К себе на место возвращался.

Когда держал он скипетр,
То как бы кланялся,
Словно не удерживая.
Он поднимал его, как бы приветствуя,
И опускал, как бы даруя.
С дрожащим, как бы изменившимся лицом,
Он семенил, словно его вели на поводу.
При поднесении подарков
Он выражал спокойствие всем видом;
При частных встречах
Был как бы весел.
И ноги у него как бы подкашивались.
Когда приветствовал стоящих слева, справа,
То его платье спереди сзади
Как бы разглаживалось.
Спешил вперед как бы на крыльях.
Когда же гости уходили,
То обязательно отчитывался:
«Гости не оглядываются!»

Когда входил в ворота государя,

Как бы кланялся,
Словно не помещаясь,

И останавливался, но не посредине,
И проводил, не наступая на порог.
Минуя же престол,
В лице как бы менялся,
И ноги у него как бы подкашивались,
И слов ему, похоже, не хватало.

Вот, подбирая полу, поднимался в зал,
Как бы склоненный,
Затаив дыхание, словно не дышал.
А выходя,
Спустившись на одну ступень,
В лице весь расправлялся
И как бы успокаивался.
Спустившись с лестницы.

СОДЕРЖАНИЕ

Семененко Иван Иванович

МИЛОСЕРДИЕ В КОНФУЦИАНСКОМ УЧЕНИИ

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев
Редактор Л. К. Кравцова
Мл. редактор С. А. Рубан
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор О. А. Найденова
Корректор Л. С. Соколова

ИБ № 10271

Сдано в набор 13.07.89. Подписано к печати 22.08.89. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 3,11. Тираж 25 500 экз. Заказ 1380. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 891010.
Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

В 1989 г. Вы, как и обычно, получите 12 брошюр:

№ 1. В. Л. Алтухов. О перестройке мышления. Выпуск II (Диалог с читателями).

№ 2. С. М. Половинкин. П. А. Флоренский: логос против хаоса.

№ 3. А. Э. Савченко. Человек для экономики или экономика для человека?

№ 4. И. С. Нарский. Современные проблемы теории познания.

№ 5. В. И. Керимов. Историософия А. С. Хомякова. (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»).

№ 6. С. И. Грабовский, Э. А. Гурин. Философия и жизнь (Воображаемый диспут о реальных проблемах).

№ 7. Р. Ф. Додельцев. Концепция культуры З. Фрейда. (Из цикла «Зарубежная философия в прошлом и настоящем»).

№ 8. Г. Г. Майоров. Цицерон и античная философия религии (Из цикла: «Зарубежная философия в прошлом и настоящем»).

№ 9. В. Ф. Венда. Волны прогресса. (Из цикла «Эврика»).

№ 10. И. И. Семененко Милосердие в конфуцианском учении. (Из цикла «Зарубежная философия в прошлом и настоящем»).

№ 11. Диалоги в Брайтоне: человек в настоящем и будущем (По материалам выступлений зарубежных философов на XVIII Всемирном философском конгрессе, август 1988 г.).

№ 12. О. Н. Назарова. О смысле жизни, его утрате и творении.

Просим после того, как Вы получите последнюю брошюру, против каждого номера поставить балл (1, 2 или 3; чем больше цифра, тем выше балл). Если вы считаете, что автор и редакция не выполнили своей задачи: брошюра оказалась бесполезной, написана непопулярно и т. п., то против ее номера можно поставить прочерк.

В целях дальнейшего изучения категории читателей просим Вас сообщить некоторые сведения о себе. В каждом вопросе предлагаются возможные варианты ответов. Выбрав подходящий для Вас вариант, обведите кружком его номер.

I. Ваше образование:

01. Неполное среднее.
02. Среднее (общее или специальное, подчеркнуть).
03. Высшее.
04. Кандидат или доктор наук (подчеркнуть).
05. Специалистом какой отрасли знания Вы являетесь?

II. С какой целью Вы изучаете философию?

06. Являюсь пропагандистом какой-либо из форм партийной учебы.

07. Слушатель одной из форм политического образования.

08. Пропагандист, агитатор.

09. Выполняю другую общественную работу.

10. Лектор партийного комитета.

11. Лектор общества «Знание» (какая организация?).

12. Занимаюсь самообразованием.

13. Изучаю философию в вузе.

14. Преподаю в вузе.

15. Работаю в научном институте.

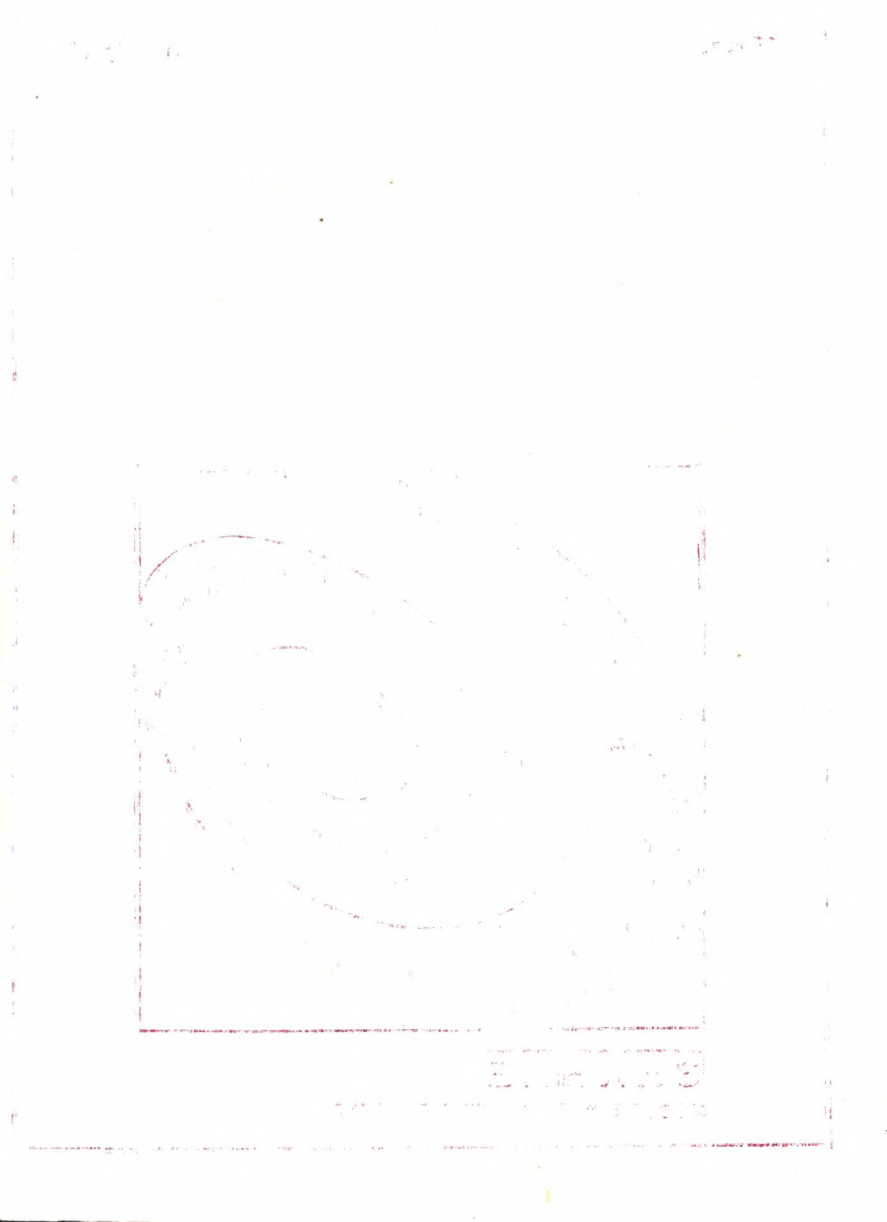
16. Интересуюсь философией как любитель.

Будем признательны, если Вы укажете свой адрес, ФИО, возраст.

Товарищи! Ваши ответы на анкеты, Ваше мнение помогут нам в дальнейшей работе над улучшением качества брошюр серии.

Кроме того, мы будем опираться на Ваши оценки при выдвижении брошюр на Всесоюзный конкурс научно-популярной литературы издания 1989 г.

Всех читателей, которые заполнят анкету и пришлют нам письма, мы заранее благодарим за сотрудничество.

15 коп.

Индекс 70065

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ